

帝國
的
家

Э Д В А Р Д В О Н Г

НА КРАЮ ИМПЕРИИ

Судьба одной семьи
на фоне истории Китая

Эдвард Вонг

**На краю империи: Судьба одной
семьи на фоне истории Китая**

«Альпина Диджитал»

2024

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

Вонг Э.

На краю империи: Судьба одной семьи на фоне истории Китая /
Э. Вонг — «Альпина Диджитал», 2024

ISBN 978-5-00-272052-1

Сын китайских иммигрантов, Эдвард Вонг родился в США и рос среди семейных тайн. Его отец редко говорил о своей родине и уж тем более не рассказывал о годах службы в Народно-освободительной армии при Мао. Историю семьи Эдвард начал узнавать уже будучи взрослым, беседуя с родителями и другими родственниками, читая старые письма и разглядывая фотографии. Приехав в качестве журналиста работать в Китай в надежде исследовать прошлое отца, он оказался в стране в период грандиозных преобразований. Став свидетелем экономического бума и роста могущества Китая на международной арене, Вонг также наблюдал острые этнические конфликты в Синьцзяне и Тибете, а также студенческие протесты в Гонконге. Рассказывая хронику семьи, охватывающую десятилетия судьбоносных перемен, автор представляет историю нации в целом, так, как ее можно увидеть и узнать только изнутри. Рейтинги и премии • Обладатель литературной премия Baifang Schell в номинации «Нон-фикшн» • Финалист британской журналистской премии The Orwell Prize, вручаемой The Orwell Foundation

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

ISBN 978-5-00-272052-1

© Вонг Э., 2024

© Альпина Диджитал, 2024

Содержание

От автора	9
Пролог	13
Часть I	18
1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эдвард Вонг

На краю империи: Судьба одной семьи на фоне истории Китая

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Наталья Нарциссова*

Научный консультант: *Елена Соболева*

Издатель: *Павел Подкосов*

Руководитель проекта: *Мария Ведюшкина*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Дизайн обложки: *Денис Изотов*

Корректоры: *Мария Павлушкина, Юлия Сысоева*

Верстка: *Андрей Ларионов*

Все представленные в книге фотографии из архива автора

Фото на обложке: *Anthony Kwan / Getty Images News / Getty Images*

© Edward Wong, 2024

Published by arrangement with Elyse Cheney Literary Associates LLC and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

* * *

Э Д В А Р Д В О Н Г
**НА КРАЮ
ИМПЕРИИ**

Судьба одной семьи
на фоне истории Китая

АНО
альпина нон-фикшн

Москва, 2026

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому

другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*Посвящается
маме, отцу, Тини и Ариш*

От автора

Когда пишешь книгу о Китае, невозможно найти способ последовательно транслитерировать имена и названия. Практические трудности усугубляются более сложными соображениями: выбор часто оказывается вопросом политическим.

Имена большинства людей и названия мест в этой книге написаны на пиньине – это официальная система романизации одного из диалектов северокитайского (мандаринского) языка¹, принятая в Китайской Народной Республике в 1958 году.

Но встречается немало исключений. Для некоторых имен и топонимов я использовал общепринятые, исторически сложившиеся формы записи, не переводя их на пиньинь, – например, в случае с Чан Кайши и Гонконгом.

Часть таких решений я принял по собственному выбору. Так, для имен некоторых членов моей семьи и названий мест, имеющих для них важное значение, я прибегаю к кантонской транскрипции. В большинстве случаев для этого используется система юпхин, но имена многих людей, например моего отца, Юк Кирн Вонга, приведены в их официальном английском написании².

В других случаях, в частности с уйгурскими и тибетскими именами, я старался использовать транслитерацию с соответствующих языков, на которых говорят местные жители, и для этого консультировался с носителями языка и учеными. Иногда я привожу как местные, так и китайские названия.

А иногда я также привожу китайские иероглифы, используя традиционную систему, которая до сих пор распространена в Гонконге и на Тайване. Дело в том, что мои родители, дяди и тети пользуются этим видом китайского письма, а я изучал его на Тайване. В Китайской Народной Республике используют упрощенные иероглифы, но традиционные формы также сохраняют свою значимость.

*Путей расходится много, не знаю, какой избрать...
Но день придет, когда я поймаю ветер и,
рассекая волну, поплыву, словно облако,
по потемневшему морю.*

ЛИ БО 李白 (701–762)

*Юнцом покинул я дом, стариком возвращаюсь.
Неизменным осталось со мной родное наречье, но в волосах седина.
Дети встречаются мне, я для них незнакомец. Спрашивают,
улыбаясь: «Откуда к нам прибыл, гость?»*

ХЭ ЧЖИЧЖАН 賀知章 (659–744)

¹ Имеется в виду путунхуа – признанный общенациональным нормативный (стандартный) китайский язык, в основу которого легла пекинская вариация северного диалекта китайского языка. – *Здесь и далее прим. науч. ред., если не указано иное.*

² Имена и названия, записанные в книге на пиньине, на русский язык переведены в соответствии с транскрипционной системой Палладия, общепринятой системой транскрипции имен собственных с путунхуа на русский язык. Однако, как и в оригинале, в ряде случаев использованы традиционно устоявшиеся варианты записи китайских имен и топонимов на русском языке (например, Чан Кайши). Имена и названия, приводимые автором в кантонской транскрипции, переведены на русский язык согласно проекту кантонско-русской практической транскрипции Института языкознания РАН, разработанной Юрием Коряковым и Дмитрием Шакурой. В случаях если имена и фамилии китайского происхождения принадлежат родившимся или проживающим вне КНР, их перевод дан в соответствии с правилами транслитерации с английского языка. Так, фамилия автора и его семьи транслитерируется с английского как Вонг, по правилам же кантонско-русской транскрипции должно быть «Вон».

Он вспоминал плоды хурмы в осеннем свете. Ветви низко склонялись над его головой, и эти плоды свисали, сочные и гладкие, цвета жженой меди. Вместе с другими солдатами он сидел в открытом кузове грузовика. Деревья росли вдоль дороги, воздух был сух и свеж. Они указывали на хурму, восхищались ею. Как сладко было бы вонзить зубы в такой плод! За грузовиком клубами вилась пыль. Они направлялись в огромный пустынный край, край древних дорог и городов, многие из которых давно исчезли с лица земли. Они ехали в приграничье. Те воины, что приходили туда до них, тоже исчезали. Эту хурму, золотящуюся в лучах угасающего дня, он помнил и семь десятилетий спустя.

Пролог

Мне было уже за двадцать, когда отец впервые показал эту маленькую черно-белую фотографию. Мы сидели в гостиной дома, где прошло мое детство, в пригороде Вашингтона, округ Колумбия. Фотография была сделана в Китае в 1953 году. На ней у отца по-молодому блестят глаза и нет ни одной морщины. Одет он в военную форму, на голове фуражка. Я провел пальцем по темному пятну в центре фуражки. Отец пояснил, что на этом месте была красная звезда, символ Народно-освободительной армии Китая. Он отправил фото по почте своему отцу в британскую колонию Гонконг, и тот заглушевал звезду, чтобы никто ее не увидел и не случилось беды. К моему отцу фотография вернулась, когда он покинул материковый Китай и воссоединился с родителями в Гонконге. А уезжая в Америку, отец взял ее с собой – в память о революции.

Я – сын двух империй. Родившись в Вашингтоне, я рос в Александрии, штат Вирджиния, городе, стоящем на берегах реки Потомак, в те времена, когда разговоров только и было, что о холодной войне, сдерживании коммунизма и предотвращении ядерного апокалипсиса. Это были годы от президентства Никсона до президентства Рейгана, когда главное место в мировой политике занимала борьба двух идеологий, а точнее двух систем правления. Берлинская стена пала в тот год, когда я оканчивал школу. На всех радиостанциях крутили «Ветер перемен» группы Scorpions, Советский Союз распался, и у Соединенных Штатов не осталось в мире соперников. Мы говорили об этих событиях в семье, на уроках и в школьном дворе, я читал о них в газетах, и эти газеты, с их корреспондентами в Вашингтоне, Нью-Йорке и далеких мировых столицах, казалось, писали летопись Американского века.

Но еще существовали коммунистические державы, и в том числе та, о которой мало что знало большинство американцев, но которую хорошо знал я. Это был Китай, наша родина. Когда началась Вторая мировая война и страна отражала нападение японских захватчиков, мои родители были детьми и жили на юге. Япония капитулировала, но мир в Китае так и не наступил. Началась новая война, гражданская – между находившимися у власти националистами³ и мятежными коммунистами. Мао Цзэдун и его Народно-освободительная армия одержали победу, националисты были вынуждены отступить на остров Тайвань. В 1950 году мой отец и его одноклассники стали первыми в своей школе, кто получил аттестаты уже в коммунистическом Китае.

Революционный пыл охватил граждан. Отец отправился на север, в Пекин, поступать в университет. 1 октября 1950 года, в первую годовщину образования Китайской Народной Республики, он вместе с солдатами, рабочими и другими студентами маршировал по площади Тяньаньмэнь, а Мао стоял на трибуне на Вратах Небесного Спокойствия и с высоты махал им рукой. Они верили, что Мао поведет Китай за собой, чтобы вернуть ему былую славу и противостоять американскому империализму. Той осенью американские войска выступили против северокорейских и китайских вооруженных сил на Корейском полуострове. Коммунистическая партия Китая призвала граждан активно участвовать в военных действиях, чтобы американская армия не вторглась в северо-восточный Китай и не дошла до Пекина.

Отец вступил в Народно-освободительную армию. Следующие 10 лет он служил в основном на границе, а его военная карьера совершала неожиданные повороты. Он побывал в таких уголках страны, которых большинство китайцев никогда не видели. Это были места невиданной красоты, где разворачивалось жестокое противостояние. Подготовку к службе

³ Под националистами подразумевается партия Гоминьдан, которая полностью контролировала правительство Китайской Республики с 1928 по 1949 год.

в военно-воздушных силах он проходил в Маньчжурии, вблизи корейского фронта. Потом провел несколько лет в Синыцзяне, северо-западном регионе, где проживают тюркоязычные мусульмане. Это были земли уйгуров и казахов, на которые веками зарились пекинские правители. Отец своими глазами увидел, как велика была Китайская империя, и стал свидетелем того, как Мао пытался возродить ее могущество.

В детстве я ничего не знал об этом периоде жизни отца. Годами я наблюдал, как он надевал красный пиджак и черные брюки, чтобы пойти на работу в китайский ресторан «Сампан», и это была единственная униформа, которая у меня с ним ассоциировалась, пока однажды он не показал мне свою фотокарточку – ту, что отправил своему отцу, когда служил в армии.

Он не из тех, кто много рассказывает о себе. И если он чем-то делился, это не происходило как нечто само собой разумеющееся. Если ему случалось вернуться домой рано, он не садился на край моей кровати и не рассказывал истории из своей жизни, хотя бы даже выдуманные. У него был один выходной в неделю – воскресенье. Но каждое второе воскресенье он уходил, чтобы вести бухгалтерию в ресторане «Чинз Китчен», совладельцем которого был. А в другие воскресенья мы смотрели американский футбол – матчи «Вашингтон Редскинз», и он возил семью покататься на своем синем «Плимуте-Дастер». Отец помогал мне делать задания по алгебре, геометрии, математическому анализу. Он разбирался в том, что касалось цифр. Позже я узнал, что после армии он изучал инженерное дело.

Иногда мне удавалось случайно увидеть сокровище. Однажды зимой отец с матерью везли нас с сестрой в Вашингтон, в Китайский квартал, к бабушке и о чем-то разговаривали на повышенных тонах на кантонском диалекте. Я разглядывал в окно дощатые дома. Мама обернулась к нам с переднего сиденья. «Коммунизм что-то сделал с вашим отцом, – сказала она. – Он упорствует в своих взглядах и не желает меняться».

Я почувствовал в этих словах боль, рану, которую не хотелось беречь. По крайней мере, пока. У каждого из них была своя история, начавшаяся задолго до моего рождения. Позже я узнал, что мать ошибалась, что отец мог меняться и, больше того, уже давно сделал это. В сложный момент он принял решение пустить свою жизнь по другому руслу. Он сделал выбор между идеей и мечтами, властью и свободой, государством и домашним очагом.

Мои родители прощались с Китаем и Гонконгом в разные моменты и при разных обстоятельствах. Но они так и не расстались с родиной полностью. И я не знаю ни одного китайского иммигранта, который сделал бы это. Еще одно воспоминание: летний вечер, мы смотрим по телевизору финал женского волейбольного турнира на Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анджелесе – США против Китая. И когда китайская сборная побеждает, мои родители кричат от радости и прыгают от восторга почти так же неистово, как звездная нападающая Лан Пин по прозвищу Железный Молот и ее подруги по команде, одетые в красную форму. «Мы болеем за Китай, потому что это наша родина», – сказала мне тогда мама.

Историю своей семьи я начал узнавать годы спустя, подолгу беседуя с родителями и другими родственниками, читая старые письма и разглядывая фотографии. Это началось еще до того, как я поступил в университет, и продолжалось все годы моей учебы. Мои исследования шли параллельно: я изучал историю и общественное и политическое устройство Китая в университете и историю семьи дома. Я подолгу разговаривал с родителями, дядями и тетями в Вашингтоне и Сан-Франциско и особенно много общался со старшим братом отца, Сэмом, который рос с ним в Гонконге и провинции Гуандун и уехал в Америку в 1948 году учиться. Начав изучать прошлое, я также каждый год ездил в материковый Китай и в Гонконг, и закончилось это только с моим переездом в Нью-Йорк, где я стал работать в газете «Нью-Йорк таймс».

Я жил в центре Манхэттена, когда 11 сентября 2001 года управляемые террористами лайнеры врезались в здания Всемирного торгового центра и в Пентагон. Эти террористические акты и вторжение Америки в Афганистан и Ирак поставили передо мной вопросы о сущности

и масштабах влияния империи, о силах, которые ей противостоят и которые она стремится подавить. В день, когда мне исполнился 31 год, я уехал из Нью-Йорка в Ирак работать военным корреспондентом.

Еще через пять лет я стал корреспондентом в Пекине, и именно тогда Китай и жизнь моих родителей открылись передо мной в полной мере, так, как я прежде и представить себе не мог. У меня появилась возможность увидеть события прошлого, остававшиеся раньше в тени, и проследить связь между ними и между людьми, местами и временными периодами. Кроме того, это было захватывающе интересно – оказаться в стране, переживающей эпоху грандиозных преобразований, с ее городами, сверкающими офисными башнями, сообществами художников, рабочими, стремящимися к успеху и приезжающими поездами из деревень, чтобы стать частью колоссальной истории перемен, которую обещали подарить первые десятилетия XXI века.

Только что прибывшему человеку казалось, что лидеры Китая и его граждане работают, напрягая все мускулы государства, чтобы построить будущее. Это являло собой полную противоположность тому хаосу, который я увидел в Ираке. Годами ведя репортажи из распадающейся страны, я пришел к тому, что разуверился в природе человека и власти. Двое моих иракских коллег, Халид и Фахер, погибли, как и еще около 300 000 человек, ставших жертвами войны в этой стране. Разрушения и кровопролитие тем более потрясли меня, что стали прямым следствием действий американцев. Их принесла нация – моя нация, – которой всего десятилетием ранее представилась историческая возможность использовать свое положение единственной сверхдержавы, чтобы сделать мир лучше. Но вместо этого после терактов 11 сентября лидеры США повели страну по пути имперского насилия. И в течение многих лет представители американского политического класса не признавали своей вины в том, что натворили.

Выйдя из самолета в сверкающем новеньком терминале пекинского аэропорта теплым апрельским вечером 2008 года, я подумал, что если какая-то держава и представляет альтернативное видение будущего, то это, несомненно, Китай. Тогда казалось, что путь прогресса, избранный его руководством после трагедии, которой стало правление Мао, и жестокого подавления протестов в 1989 году, свидетельствует о приверженности более просвещенным и разумным идеалам.

Но, как это часто случается, когда человек ослеплен надеждой, реальность оказывается иной – как и в случае с отцом. К тому времени, когда в конце 2016 года я уехал из Китая, для меня было очевидно: его история под властью Коммунистической партии – это история страны, которая всеми силами стремится стать империей, превосходящей Соединенные Штаты, и видит себя наследницей империи Цин. И это происходит в эпоху, когда от всех других имперских держав той поры остался лишь пепел и когда моральный крах имперского правления хорошо задокументирован – на примере британцев, османов, русских и многих других. И все же Си Цзиньпин, лидер коммунистического Китая, и на деле и на словах стремится реализовать мечту об империи, говоря о великом возрождении китайской нации.

Многие жители Китая разделяют эту мечту. Она уходит корнями в общий нарратив о тысячелетней истории, начавшейся с древней цивилизации Хуанхэ, продолжившейся завоеваниями первого императора Цинь Шихуанди и достигшей апогея в эпоху династий Тан и Сун с ее бурным развитием торговли, искусства и науки. Это миф о родной земле народа хань⁴, чья культура и цивилизация доминировали в такой степени, что даже доблестные воины-захват-

⁴ Согласно официально принятой классификации, в КНР проживает 56 этнических групп или национальностей, среди которых хань, или ханьцы, – самая многочисленная. В русском языке существует некоторая путаница, связанная с тем, что слова «китайцы» и «китайский народ» используются как для обозначения всех граждан КНР, среди которых есть множество этнических меньшинств, так и для обозначения самой крупной этнической группы (хань).

чики растворялись в ней и становились китайцами. Такова была история, которую я узнал, когда начал изучать Китай.

Затем я столкнулся с историками и писателями, которые придерживались иных взглядов. Они рассказывали, что история Китая вплоть до прошлого века определялась циклами чередования правления выходцев из собственно Китая и из кочевых или полупоселенных народов Азии, общества которых были не менее богаты, сложны и могущественны, чем китайское. Эти народы из Внутренней Азии основали несколько династий, в частности монгольскую в XIII веке и маньчжурскую в XVII веке. И именно маньчжуры, основатели династии Цин, создали в результате завоеваний огромную империю с Китаем в центре в те времена, когда на всем евразийском континенте формировались аналогичные имперские державы.

К 1800 году цинский двор в Пекине правил третью населения мира и десятью процентами территории Земли. Империя Цин простиралась от центральноазиатских степей до тибетских Гималаев и прибрежных городов Китая. После поражений в Опиумных войнах и других военных конфликтах правители Цин уступили контроль над частью империи европейским державам, России и Японии, а позже были свергнуты повстанцами, которые выступали под знаменем этнического ханьского национализма. Они заявляли, что восстановят свое государство как одну из великих мировых держав. Ханьская элита помогла распространить мощную идею современного китайского государства как продолжения обширной и полиэтнической империи Цин. Новые правители, националисты, взялись за реализацию этого проекта и боролись за нее, пока, в свою очередь, не были свергнуты Мао, который дал народу те же обещания возродить нацию.

В XXI веке, к изумлению всего остального мира, Коммунистическая партия Китая стоит на пороге осуществления этой мечты. Это происходит спустя десятилетия после того, как территория страны сократилась в результате губительной политики Мао. Сегодня под властью КПК находится большая часть земель, объединенных императорами династии Цин посредством войн и дипломатии. И это пространство может стать еще больше. Китайские военные расширяют свое присутствие на спорных пограничных территориях, от Южно-Китайского моря до Гималаев. Партия стремится подчинить своей власти демократический остров Тайвань.

Экономическая мощь страны позволяет Коммунистической партии Китая проникать в такие сферы, о которых императоры даже не подозревали: от интернета до искусственного интеллекта, от высшего образования до Голливуда – Китай меняет мир, и мы только начинаем осознавать значение происходящего. К нему относятся как к одной из ведущих держав. Во времена династии Цин посланники из далеких стран прибывали к императорскому двору, чтобы отдать дань уважения владыке Китая, и сейчас они делают то же самое. Я был на площади Тяньаньмэнь во время военного парада, такого же, как тот, в котором участвовал мой отец в 1950 году, и наблюдал, как лидеры со всего мира – из Бразилии, России, Южной Кореи – аплодировали, стоя на трибуне рядом с Си Цзиньпином. Они вместе смотрели на танки, ракеты и марширующих строем солдат.

Многие граждане Китая искренне гордятся возрождением нации, и эта гордость тем сильнее, чем больше партия разжигает огонь патриотизма и национализма. В школьных классах, в фильмах, в газетных статьях государство рассказывает своим гражданам, как целое столетие Китай страдал от рук иностранных держав. Но есть и еще кое-что, что поддерживает и направляет их: глубокая вера в собственную непогрешимость. Ту самую непогрешимость, вера в которую, по словам теолога Рейнгольда Нибура, пронизывает национальный характер американцев. Этим обществам можно причинить зло, но они никакого зла причинить не могут. Именно это чувство непогрешимости позволяет империи выбирать путь зла во имя добра при неизменной поддержке своих граждан.

Почти десятилетие, проведенное в Пекине, имперской метрополии, – не единственное, что заставило меня воспринимать Китай именно так. Не менее важную роль сыграло и то, что я наблюдал ближе к границам государства – в Гонконге, Синьцзяне, в Тибете и во Внутренней Монголии – на тех самых спорных территориях, которые были так важны для моего отца в годы его жизни в Китае. Природа каждой империи проявляется в том, как она осуществляет власть вдали от центра. Я видел это на примере Америки в Ираке, и я видел это на примере Китая.

Отец не просто отправился в приграничье в качестве солдата, он родился там. Его семья происходила из провинции Гуандун, которую в древности китайские правители считали частью населенного варварами царства Юэ. Путешествуя по южному Китаю, я увидел, насколько он отличается от северного, что помогло мне лучше понять разнообразие этого края, как и все остальное, чему я был свидетелем. Те районы, откуда происходили семьи моих родителей и где говорят на кантонском диалекте, были переходной зоной между Китаем и внешним миром. Люди родом оттуда связывали Китай с Америкой задолго до нынешней эпохи глобальной торговли. Мои предки и родственники перебирались в Юго-Восточную Азию, в Бразилию, в Канаду. Они договаривались о переездах, временных и постоянных домах. Стоит ли удивляться, что именно на юге собирались интеллектуалы и бунтари, ставившие под сомнение власть императоров на севере и стремившиеся свергнуть их?

Мой отец приехал в Пекин и в северные земли как чужак, выходец из дальнего уголка империи.

Я тоже прибыл туда как чужак, представитель другой империи, присланный, чтобы фиксировать происходящие здесь события.

Мы отправились в наши путешествия порознь, но его путь стал источником информации для моего. Я пишу здесь о наших с ним путешествиях, вернее, о том, как каждый из нас вспоминал моменты этих путешествий.

Ему уже 91 год, но он говорит мне, что есть вещи, которые никогда не исчезнут из его памяти.

Ночь, когда он спал на горном лугу под звездами, а подушкой ему служило седло...

День, когда он наблюдал, как солдаты с винтовками пытаются охотиться на оленей на заснеженной пустынной равнине...

Много лет назад, когда мы сидели вместе после ужина, он сказал мне, что до сих пор помнит слова революционной песни «Алеет восток», которую большинство китайских граждан в 1960-е годы знали наизусть. Отец прочистил горло и без колебаний пропел слова на путунхуа, хотя прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как он делал это в последний раз.

Алеет восток, восходит солнце,
В Китае появился Мао Цзэдун.
Он трудится ради счастья народа,
Он – спаситель народа!

Закончив, отец откинулся на спинку дивана и слабо улыбнулся мне. В этот момент он снова был тем молодым человеком в форме и фуражке с красной звездой, скачущим верхом по высокогорным долинам северо-запада, там, на краю империи.

Часть I

Юг

1

Колония

Гонконг, 1941 год

Ясным декабрьским утром мальчик слышал взрывы. Он поднял голову и увидел в небе черные клубы дыма. Британские военные, которые должны были защищать Гонконг, колонию империи, вели огонь из зенитных орудий, отражая атаку японских бомбардировщиков. Был понедельник, и мой отец, которому тогда было девять лет, шел в школу вместе со старшим братом Сэмом и двумя двоюродными братьями. Их семья жила в районе Хэппи-Вэлли. Мальчиков провожала двоюродная бабушка, она несла на плече бамбуковый шест, на котором висели плетенные из ротанга ранцы самых младших. Отец был худеньким, быстрым и энергичным мальчиком. По-английски его звали Юк Кирн Вонг, по-китайски — 黃沃強, что означает «плодовитый и сильный».

Британская администрация уже несколько месяцев проводила учебные тревоги – отключала электричество, включала сирены, распространяла информацию о бомбоубежищах. К концу 1941 года жители успели привыкнуть к этому. Чиновники в Гонконге и Лондоне понимали, что колония уязвима. Для императора Японии Хирохито, который вознамерился завоевать всю Азию, остров и его глубоководный порт могли бы стать идеальной военной базой у южного побережья Китая. За четыре года до этого японская армия вторглась в сердце страны и постепенно, сражение за сражением, захватывала все новые территории.

Тем не менее, даже несмотря на постоянные учения, многие жители Гонконга считали, что Япония не осмелится напасть на колонию Великобритании, крупнейшей в мире империи – владычицы морей. Пусть японская армия ведет наступление в Китае и убивает мирных жителей, но она, конечно же, не тронет ни Гонконг, ни Сингапур, ни Малайзию – другие британские колонии в регионе.

Когда мальчики вошли в здание школы Линьин, расположенное на холме близ гавани, в районе Козуэй-Бей, учителя сообщили им, что стрельба из противоздушных пушек – это просто очередные учения. Они сели за парты. Отец учился в четвертом классе, и это был его первый год в этой школе. Сэм был на четыре года старше и учился в другом классе. Его учитель геометрии в то утро ставил зачеты, и Сэм был счастлив, что получил 90 баллов. Взрывы слышались до конца урока. На перемене мальчики вместе с одноклассниками выбежали на улицу,

чтобы посмотреть, как в небе над водой разрываются на осколки зенитные снаряды. Что-то происходило за пределами острова Гонконг, в Коулуне и на Новых территориях, граничащих с Китаем, но что именно, сказать было невозможно.

Потом отец увидел самолеты, пронсящие в небе дальше, за гаванью. Он прищурился, чтобы разглядеть на их крыльях японский флаг – красный круг на белом поле, но самолеты были слишком далеко. В принципе, это могли быть и британские военные самолеты. Учителя продолжали говорить об учениях.

Около полудня ученикам наконец сообщили, что Япония напала на Соединенные Штаты и что директор досрочно прекращает занятия. Учителя выглядели встревоженными. «Идите домой, – сказал отцовский учитель. – Мы сообщим вам, когда школа снова откроется».

Война с Японией пришла в Гонконг. Мальчики быстро зашагали домой. На улице по-прежнему было солнечно, день обещал быть таким же, как и все остальные. Они поднялись по лестнице домой, на третий этаж; их двоюродные братья, с которыми они учились в одной школе, жили этажом выше. Одна комната в квартире отца и Сэма была завалена мешками с рисом и заставлена рыбными консервами, которыми запаслись их родители. В последние годы в колонию хлынули люди, бежавшие от войны в материковом Китае, и продовольствия не хватало. Чиновники пытались регулировать цены и вводили нормы потребления. Семье потребовалось несколько месяцев, чтобы собрать эти запасы.

В квартире на улице Чхапчен, дом восемь, люди жили буквально на головах друг у друга. Отец и Сэм спали в гостиной, рядом с балконом, выходящим на уличный рынок. Одну из трех спален занимала их молоденькая тетька с двухлетней дочерью и грудным сыном. Она приехала больше года назад из южнокитайской деревни, чтобы повидаться с Дэнни, своим мужем, который, в свою очередь, приехал в Гонконг из Нью-Йорка, где управлял прачечной. После чего тетька забеременела, а незадолго до японского вторжения ее муж вернулся в Нью-Йорк.

Моя бабушка, мать отца и Сэма, была дома, когда они пришли из школы, но о нападении японцев ничего не знала. Их отец вернулся домой из лавки, которую он держал на западной стороне острова и в которой продавал лекарственные травы, вечером, но никаких новостей не принес. Только через несколько дней мальчики узнали, что предшествовало вторжению.

7 декабря, за восемь часов до нападения на Гонконг, японцы разбомбили американскую военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайях. Утром 8 декабря одновременно с атакой на Гонконг они вторглись в Британскую Малайю и разбомбили Сингапур. Британские чиновники в Гонконге и их начальство в Лондоне ошиблись в расчетах. Они были уверены в том, что японцы не решатся напасть, и позволили двум эсминцам отплыть из гавани Гонконга в Сингапур, оставив для защиты колонии всего один корабль, «Фракиец».

В ту ночь отец спал вместе с Сэмом и родителями на деревянном полу под кроватью, на которую были навалены одежда, одеяла, чемоданы и набитые картонные коробки. Его отец решил, что это защитит семью от осколков снарядов, и в последующие дни они забирались под кровать всякий раз, когда слышали звуки самолетов, противоздушных пушек или взрывов. Правительство приказало не включать свет. По опыту учебных тревог они уже знали это ощущение, возникающее во время светомаскировки, когда лежишь неподвижно, во власти теней и тишины. Теперь все происходило по-настоящему, и у них было чувство, что они находятся на дне глубокого колодца. Они не спали. Они лежали, прислушиваясь к гулу пропеллеров и самолетных двигателей.

Как и многие другие кантонские торговцы, Воны без труда перемещались между Гонконгом со всем его блеском колонии Британской империи и сельскими просторами соседней китайской провинции Гуандун. Они также вели дела с другими торговцами – этническими китайцами – по всей Юго-Восточной Азии. Эти перемещения – людей и капиталов, культур и языков – были в порядке вещей еще до вторжения японцев и революционных изменений,

произошедших при Мао. Свободно пересекать границы было естественно для жителей уезда Тхойсань, 台山, который на путунхуа называется Тайшань, а на местном наречии – Хойсань и в котором находилась отцовская родовая деревня. Для них переселиться в Китайский квартал какого-нибудь американского города, или в шахтерское поселение в Малайзии, или куда-нибудь в австралийскую пустыню было почти так же легко, как перешагнуть невидимый рубеж между Гонконгом и Китаем.

Отец и Сэм родились в Гонконге и вернулись туда за три с половиной года до вторжения, проведя два года в родной деревне Хапво в Тайшане. В деревню они с матерью поехали из-за строительства нового семейного дома. Их отец, торгуя лекарственными травами, скопил достаточную сумму, чтобы построить в деревне более просторный дом. У деда было четверо сыновей, но только один дом, поэтому сыновья решили построить два новых – каждый на две семьи. Самый младший сын, дядя отца и Сэма, был инженером-строителем и работал в администрации провинции. Он и вызвался руководить строительством. Моя бабушка, мать отца и Сэма, приехала в деревню весной 1936 года, взяв сыновей с собой.

Здесь воспоминания расходятся. Отец говорит, что их отец, второй из четырех сыновей, поехал в деревню с ними, но ненадолго, а потом вернулся в Гонконг, где его ждали торговые дела. Он помнит это из-за происшествия на таможенном посту в провинции Гуандун, куда их семья прибыла на корабле, чтобы пересесть на поезд, который должен был доставить их вглубь страны. Его отец взял с собой новое красное одеяло, и таможенники из националистического правительства потребовали заплатить за него налог. Но Сэм, который на четыре года старше отца, сказал мне, что не помнит, чтобы их отец когда-либо ездил с ними в родную деревню.

Во все стороны от деревни тянулись рисовые поля, ярко-зеленые до сбора урожая и коричневые от грязи и ила в остальное время. В полях работали буйволы. Мальчики бродили в воде и искали улиток, угрей и сиамских бойцовых рыбок. Жизнь в деревне очень отличалась от той, к которой дети привыкли на многолюдных улицах Гонконга.

Мой отец часто болел и оставался с матерью в старом доме, когда Сэм уезжал в Тайшань учиться. Новый дом в два этажа строили из кирпича, а всего в деревне было 25 домов, и во всех них жили члены одной семьи.

К весне 1938 года два новых дома были закончены. К тому же появилась еще одна причина для возвращения в Гонконг: близилась война. Летом 1937 года японцы вошли в северный и восточный Китай. Японское правительство использовало стычку между японскими солдатами и ротой китайских войск на мосту Марко Поло в пригороде Пекина как предлог для начала давно запланированного вторжения в сердце Китая. За шесть лет до этого Япония начала завоевывать приграничные территории Китая, захватив северо-восточную часть Маньчжурии, соседствовавшую с Кореей – в то время японской колонией. Токио создал там марионеточное правительство, во главе которого был поставлен последний император маньчжурской династии Цин Пу И, свергнутый в 1912 году.

Перед лицом нового нападения со стороны Японии многие китайцы бежали в Гонконг. Когда в 1938 году отец, Сэм и их мать тоже отправились в путь, их поезд вынужден был сделать внезапную остановку из-за появления японского военного самолета. Все знали, что японские бомбардировщики уничтожают транспортную инфраструктуру. Семья и другие пассажиры выбежали из поезда и спрятались в поле. Японский самолет улетел, не атаковав, и пассажиры вернулись в вагоны.

Всего за столетие британские колонисты и китайские мигранты превратили группу малонаселенных островов в Южно-Китайском море общей площадью 80 квадратных километров в центр мировой морской торговли. Китайцы, жившие в Гонконге, стремились к тому же, к чему и многие англичане: торговать, обмениваться, вести переговоры, заключать сделки. Говорили

они в основном на кантонском диалекте соседней провинции Гуандун, из которой и прибыла часть первых поселенцев.

Моему деду путь к безбедной жизни в предвоенные годы проложили лекарственные травы. Он держал лавку в Сёнване, районе к западу от Сентрала, где находилась британская администрация. Лавка располагалась на втором этаже дома 81 по Джервуа-стрит, в двух кварталах от рынка китайской медицины на Бонэм-Стрэнд-Уэст-роуд, посреди шумных торговых кварталов, где продавали всевозможные травы из Китая. По улицам разносился резкий запах женьшеня. На прилавках стояли банки с сушеными корнями, стеблями, листьями и порошками из растений. За прилавками высились большие деревянные шкафы с десятками маленьких ящичков, на каждом из которых висела написанная от руки этикетка с названием лекарства.

Отец вспомнил только один случай из детства, когда он побывал в лавке. Это было зимой, в канун лунного Нового года, и его отец раздавал совладельцам и работникам лавки красные конверты с деньгами, чтобы они передали их своим детям. Те, в свою очередь, вручили красные конверты моему отцу и Сэму.

После этого мой дедушка отвез двух своих сыновей домой в Хэппи-Вэлли тем же путем, каким они приехали: на трамвае, который бежал по узким рельсам через северную часть острова Гонконг, от Козуэй-Бей до Ваньчай, Адмиралтейства и Сентрала. В те времена в колонии было тихо: улицы, застроенные трех- и четырехэтажными домами, по ночам погружались во тьму. На горизонте поднимались горы, самая высокая из которых – пик Виктория. Ее склоны поросли тропической растительностью: камфарными деревьями, баньяном, смоковницей, папоротником и бугенвиллеей. Там, в горах, находились имения богатых европейцев и летняя резиденция британского губернатора. До 1888 года, когда правительство открыло фуникулер, жители пользовались услугами китайских носильщиков, которые поднимали их по крутому склону пика Виктория.

Дедушка добился определенного статуса благодаря успешной торговле лекарствами. Как и многие другие жители Гонконга, он был посредником и оптовым торговцем: импортировал лечебные травы из Китая и продавал их в Юго-Восточную Азию. Он вел дела с китайцами, жившими во Вьетнаме, Малайзии и Индонезии, на территории полуостровов и архипелагов, тянувшихся через Южно-Китайское море до самой Австралии. Это было вполне типичное занятие для гонконгских деловых людей, а государственная казна пополнялась за счет налоговых поступлений от морской торговли.

Выше дедушкиной семьи по статусу была прослойка этнических китайцев – жителей Гонконга, получивших образование по британской системе. Они культивировали в себе чувство превосходства над другими китайцами: на паром «Стар Ферри», курсировавший по гавани, покупали билеты на палубу первого класса, разговаривали друг с другом на людях на английском языке – ломаном или с акцентом, мужчины носили отглаженные белые рубашки и галстуки и начищенные кожаные туфли и тщательно причесывались. А в домах у таких людей была прислуга.

В Хэппи-Вэлли находился ипподром и, что еще важнее, клуб при нем. Семья отца жила в четырехэтажном доме над уличным рынком, где продавали фрукты, овощи и мясо. Этот дом был одним из восьми, построенных отцом моей бабушки. Моя бабушка родила трех мальчиков и двух девочек, но выжили только отец и Сэм, остальные умерли в младенчестве. Бабушка была худенькой и хрупкой, часто болела, поэтому с ней жила ее тетка, которая помогала по дому и водила мальчиков в школу. Этой тетке, двоюродной бабушке, было уже за сорок, и она занимала комнату для прислуги рядом с кухней и ванной, на полтора лестничных пролета ниже квартиры, где жила семья.

Бабушкин отец тоже добился успеха в торговле лекарственными травами. До этого он занимался страхованием, торговлей недвижимостью и продажей сухофруктов. Именно он помог моему дедушке, своему зятю, начать собственное дело, когда тому было 20 лет. К этому

времени дедушка успел поработать учителем начальной школы в китайской деревне. В итоге вместе с другими торговцами они стали совладельцами оптового бизнеса в Гонконге. А когда другие совладельцы перебрались в Сайгон, столицу французской Кохинхины на юге Индокитая, бизнес полностью перешел в руки моего деда. Он успел потрудиться на всех уровнях торговли лечебными травами. В 1926 году дед участвовал в создании Ассоциации торговцев китайскими медицинскими препаратами в Гонконге, а спустя два десятилетия был избран ее президентом.

Через дорогу от квартиры отцовской семьи располагался большой рынок с десятками ларьков, где торговали провизией – от морепродуктов до птицы и овощей. На улице торговцы продавали свежие овощи из больших корзин, подвешенных на бамбуковом шесте. Домохозяйки, прислуга и повара приходили на рынок дважды в день, чтобы купить свежие продукты. Помогавшая семье двоюродная бабушка частенько привязывала отца к спине и спускалась с ним вниз по лестнице, чтобы тоже сделать покупки.

С балкона третьего этажа мальчики иногда наблюдали, как китайские полицейские проезжали мимо в фургоне, оставляли его в соседнем квартале или даже дальше и устраивали на узких улочках облаву на торговцев, не имеющих лицензии. Раздавался вопль: «Черт, бежим!», и торговцы бросались врассыпную. Многие укрывались на лестничных площадках ближайших домов. Иногда полицейские опрокидывали корзины с овощами и портили продукты, обрекая торговцев на то, чтобы взять деньги в долг для покрытия убытков и начать все сначала.

На рынке было мокро от грязи и крови. Торговцы опрыскивали водой овощи, чтобы те не завяли. И чтобы не портить обувь, люди надевали деревянные сандалии на толстой подошве. Громкий стук этих подошв доносился даже до квартиры на третьем этаже, и иногда мальчики закрывали уши, чтобы не слышать его.

Ипподром в Хэппи-Вэлли был средоточием светской жизни элиты Гонконга, особенно британских аристократов и высокопоставленных чиновников колониальной администрации. Первые скачки там провели в 1846 году. А 38 лет спустя открылся Гонконгский жокей-клуб, и вскоре он стал главным светским клубом колонии. Поговаривали даже, что Гонконгом управляют Жокей-клуб, Гонконгская и Шанхайская банковская корпорация и губернатор – именно в таком порядке, отмечает историк Ян Моррис. Первого китайца в члены клуба приняли только в 1926 году. Конюшни для скаковых лошадей располагались на холме за ипподромом и на улицах, где жили китайцы. В сезон скачек, по субботам, когда конюхи вели лошадей к ипподрому, на улицах оставался навоз. После скачек китайцы, жившие в других районах, отправлялись домой на трамваях с конечной остановки в Хэппи-Вэлли, а англичане уезжали на машинах с водителями.

Дедушка состоял в Жокей-клубе, и однажды он привел отца и Сэма на скачки. Когда лошади пронеслись мимо, толпа зрителей на трибунах наклонялась вперед, и мальчики напряженно всматривались, пытаясь разглядеть, что происходит на скаковом кругу.

Британцы сидели в первых рядах, ближе к ограждению. Мужчины были одеты в белые костюмы, женщины – в белые платья и шляпы. Рядом с ними сидели китайские горничные в белых блузах и черных шароварах, с волосами, заплетенными в косы. Горничные носили сумки и зонтики англичанок. Мальчики и раньше видели британских и европейских жителей города, но не обращали на них особого внимания.

Колониальная администрация находилась в Централе. Здесь же располагалось здание Верховного суда с неоклассическими арками и колоннами, кроме того, на Голливуд-роуд стояло внушительное полицейское управление с инициалами короля Георга V над входом и огромная тюрьма «Виктория» с мощными каменными стенами. Они служили символами закона и порядка, устрашавшими китайских жителей Гонконга не меньше, чем рассказы о наказаниях, назначаемых людьми в мундирах, – о месяцах каторжных работ и ударах розгами за мел-

кие кражи. Центром торговли был «Джардин-хаус». Здесь располагалась штаб-квартира двух шотландских предпринимателей, Уильяма Джардина и Джеймса Мэтисона, первоначально открывших свое дело в городе Гуанчжоу на материке. Среди прочего они торговали и опиумом и потому попали под пристальное наблюдение китайских чиновников. В результате во время Первой опиумной войны, начавшейся в 1839 году, эти два человека побудили британское правительство отнять Гонконг у Китая, дабы создать там «тихую гавань» для иностранных коммерсантов.

Столетие спустя торговля по-прежнему была тесно связана с военной мощью. Британские солдаты жили в казармах в Централе. Каждое воскресенье они посещали службу в соборе Святого Иоанна, главном англиканском храме Гонконга. А над всем этим, на холмах Мид-левелс, возвышался Дом правительства, построенный в стиле колониальный ренессанс в середине XIX века и служивший резиденцией губернатора. В месяцы, предшествовавшие японскому вторжению, его обитателем был сэр Марк Эйтчисон Янг, вступивший в должность 10 сентября 1941 года. До этого он успел послужить в колониях Цейлон, Сьерра-Леоне, Палестина, Барбадос, Тринидад и Тобаго и Танганьика. Правительство в Лондоне поручило этому опытному чиновнику – выпускнику Итона и Королевского колледжа в Кембридже, ветерану Первой мировой войны – оборону Гонконга в случае вторжения японцев.

Большинство колонистов жили, как и Янг, на холмах. Для китайцев наиболее заметными британцами были полицейские – идущие по улице или стоящие навытяжку, в белых рубашках и шортах летом и в песочно-коричневых мундирах зимой. Но еще более ярко обозначали колониальное присутствие сикхи, прибывавшие на кораблях из Британской Индии, чтобы служить в охране. Эти мужчины с густыми бородами, в разноцветных тюрбанах и белоснежной форме поражали отца и Сэма. Они стояли у входов в банки, правительственные учреждения и клубы с винтовками или дробовиками за плечами. Владельцы некоторых китайских магазинов тоже нанимали их в качестве охранников, и иногда, когда отец проходил мимо, какой-нибудь сикх говорил ему «привет» и пару-тройку других слов на кантонском диалекте.

С остальной империей Гонконг связывало судоходство, но после 1925 года, когда в Кайтаке с его травяным аэродромом состоялся первый полет, все большее значение начали приобретать самолеты. В 1936 году авиакомпания «Имперские авиалинии» открыла авиaperевозки между Гонконгом и Лондоном через остров Пинанг, расположенный у западного побережья Малайского полуострова, который также был британским владением. Коммерческое воздушное сообщение связало Гонконг с другими частями империи.

В 1938 году, через год после вторжения японцев в материковый Китай, британское правительство озаботилось мерами борьбы с надвигающимся кризисом. Министерство по делам колоний распорядилось создать во всех британских колониальных владениях запасы продовольствия и товаров первой необходимости. Тем временем в Гонконге продуктов уже не хватало, поскольку с материка прибывали сотни тысяч беженцев. Администрация построила для них лагеря и кухни. Летом 1940 года японцы прекратили все поставки с материка, и угроза вторжения стала очевидна. Британская администрация распорядилась о строительстве туннелей, в которых могли бы укрыться десятки тысяч человек.

Еще до начала вторжения по колонии распространились слухи о зверствах, чинимых японцами в Китае. Беженцы рассказывали о том, что видели своими глазами: как японские солдаты пытали китайских граждан, как выстраивали вдоль стены и расстреливали. Рассказы о войне распространялись и другими способами. Среди жителей Гонконга стали популярны песни, которые уже много лет пелись в Китае: в одних речь шла о конкретных сражениях, в других восхвалялись герои войны или прославлялась стойкость китайского народа. Отец в раннем детстве слышал некоторые из этих песен, но был слишком мал, чтобы понять слова. Сэм же, напротив, постоянно пел их в школе.

Самой печальной из них он считал песню «На реке Сунгари». В ней рассказывалось об уроженце Маньчжурии, которому пришлось оставить престарелых родителей и бежать на юг после вторжения японских войск в сентябре 1931 года.

18 сентября, 18 сентября, после этого страшного дня
Я покинул свой город, я отказался от всего, что было
мне дорого.
Бреду, бреду, целый день бреду вдоль русла реки.
Бреду.
В каком месяце какого года я вернусь на свою
прекрасную родину?
В каком месяце какого года я вновь обрету все, что
мне дорого?
Родители! Мои родители! Когда мы сможем снова
быть вместе?

Вскоре отец тоже выучил несколько песен. Однажды ночью в 1940 году, за год до вторжения японцев в Гонконг, когда в Китае уже шли бои, он услышал внизу на улице шум. Выбежав на балкон, он посмотрел на уличный рынок, который закрылся еще вечером. По улице маршировали человек тридцать – словно отрабатывали строевые приемы. Внезапно они запели песню «Защитим Китай» с ее пламенным призывом «Защитим нашу пятитысячелетнюю цивилизацию! Давайте соберемся вместе! Пойдем и убьем врага!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.